Герда Грау

Enginehandler:

Серый как пепел

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Попасть из домашних условий в казарму всегда тяжело. В два раза тяжелее, если для окружающих новички - источник потехи. Но училище дрифта престижно, есть за что побороться, да и друзья найдутся. Как и враги.

АУДИОВЕРСИЯ от InCome - "Доп.материалы"

- Глава 1. Серый как пепел
- Глава 2. Один за всех
- Глава 3. Шоколад
- Глава 4. Забава
- Глава 5. Веселое Рождество

Серый как пепел

Глава 1. Серый как пепел

Тех, кто подавал документы в училище, Лаудер называл икрой. Каждый год их приносило к дверям тоннами, привлеченных красивым названием и романтикой, а после первого года обучения оставались единицы. Кто-то не выдерживал курса физической подготовки, кто-то понимал, что поторопился с выбором профессии, кого-то отсеивали по медицинским и прочим показателям. Он даже не различал их имена до второго курса, когда из стадии икры они переходили в разряд мальков, не видел смысла напрягать память. На втором курсе тренировки становились жестче, предметов появлялось больше, и они были сложными. В этот год легче жилось школьным зубрилам и маменькиным сынкам, которых родители баловали карманными деньгами, остальные грызли казенный паек и мечтали о шоколадках. Тех, кто так и не смог заставить себя перейти на белковые концентраты, тоже отсеивали в конце концов, но для них это было всегда неожиданностью. Оставшиеся получали от него клички, которые носили до окончания училища.

О том, что они тоже дают ему клички, он не задумывался до тех пор, пока не услышал, как один из курсантов, не заметив его появления, за глаза назвал его «венгерским жуком». Он подозвал наглеца к себе и велел ему двести раз отжаться узким хватом. Расчет был на то, что трицепс откажет гораздо раньше и без предупреждения, и сопляк разобьет нос об пол, который ему придется мыть потом каждый день в течение месяца. Весь взвод смотрел, как провинившийся опускается и поднимается у ног Лаудера, сначала быстро, потом медленнее, и уже совсем с трудом на восьмом десятке. В какой-то момент он просто замер, и Лаудер из жалости нажал ему ногой на спину – пусть уже шлепнется скорее, но понял, что придавить его к полу не может, сопляк сопротивлялся.

— Позвоночник сломаю, — тихо предупредил его Лаудер. – Ложись.

Но тот продолжал держаться в паре сантиметров от пола. Лаудер видел мокрые волосы у него на макушке, видел, как дрожат у него мышцы. Он пнул носком ему в сгиб руки, и упрямец завалился на пол, хватая воздух ртом.

— Фамилия? – спросил Лаудер.

— Эндрюс.

Вечером Лаудер запросил его личное дело из секретариата на свой пад, полистал, пробежал глазами анкету – в графе отец прочерк, мать имеется, братьев-сестер нет, рост сто семьдесят, вес

шестьдесят восемь. Свою кличку Головастик получил не за выдающиеся умственные способности, их как раз не было, а за довольно редкий оттенок цвета волос, ставший заметным, когда курсантам разрешили носить стрижки, а не ежики, сделанные машинками – серый, как пепел.

В следующий раз они пересеклись на практическом занятии, посвященном возможностям мозга. Курсанты любили эти лабораторные работы, дававшие потом неисчерпаемое количество поводов для насмешек над несчастными добровольцами, публично садившимися в лужу. На стороне Лаудера были достижения химии и высокоточная техника, у них — только природные данные, и результат был предсказуем.

Лаудер нарочно вызвал щуплого Головастика — вес был нужен небольшой, вкатил ему в плечо дозу анестетика под видом средства, улучшающего чувствительность кожи, и придавил его шею полупрозрачным листом, искажавшим то, что человек мог увидеть под ним, скосив глаза, а видеть он мог только свои коленки и руку в бионической перчатке, лежавшую на них. Передаваемые через перчатку импульсы воспринимались мозгом как сигналы раздражения кожи и нервов, и Головастик напрягся, пытаясь разгадать подвох – он чувствовал и называл вслух то, что ощущал, и не понимал, почему остальные с каждым его ответом хохочут все громче. Секрет был довольно прост — рука ему не принадлежала, это был муляж, который демонстрировал способности мозга к самообману.

— Внушаемость один из самых верных признаков слабака, — насмешливо сказал ему Лаудер, опуская искажающий экран и отодвигая искусственный манипулятор в сторону.

— Я ее чувствовал, — мрачно возразил Головастик.

— А я Папа Римский, — согласился Лаудер. — Подумай о смене профессии, малек.

Лаудер с интересом ждал, на что именно толкнет его обида, про себя решив, что за любое ее выражение отчислит его текущим днем. Но Головастик молчал, только смотрел исподлобья светлыми до прозрачности глазами, которым уже научился с момента их первой стычки придавать абсолютно ничего не выражающий вид. Лаудер даже решил, что потехи не будет, когда аудитория вдруг восторженно взвыла — механическая рука поднялась и сложилась в неприличный жест.

И пока все ржали и хлопали, Лаудер нащупывал в кармане пульт от манипулятора, чтобы убедиться, что это случайное нажатие кнопки приказало руке сделать то, что вызвало такой восторг у курсантов, а вовсе не невзрачный Эндрюс.

Серый, как пепел.

Глава 2. Один за всех

По окончании второго курса шел самый серьезный отсев, зачетная неделя растягивалась на месяц, объем сдаваемого материала был огромен, и никаких скидок никому не делалось. Курсанты нервничали и теряли последние остатки самообладания, требуемые для успешного перевода на третий курс. Лаудер даже коллекционировал их выдумки, от миниатюрных гаджетов до химических стимуляторов. Первое никому не могло помочь в силу того, что информационный вакуум в аудитории обеспечивал сам Лаудер, вторым они не умели пользоваться правильно, и медицинская бригада то и дело снималась по вызову прямо на экзамен. Отчисляли помимо не сданных дисциплин за нервные срывы, за проявленные неадекватные реакции, за пропуск занятия и даже за опоздание. Такая обстановка выбивала всех, кто в стрессовой ситуации терял способность контролировать себя, численность взводов стремительно сокращалась до пяти-шести человек против набранных пятнадцати, и это было нормально к последнему экзамену.

— Не сдадим, — сказал Клещ, опускаясь на койку и обводя глазами собравшихся в кружок возле него товарищей. — Ладно бы вызубрить эти векторные штуки, но у Лаудера задачи не по учебнику.

— Сдавали же как-то предыдущие курсы, — тоненько пискнул Водомерка.

— Ага, сдавали, — сказал грубый Карась, — один к тридцати, а нас тут шестеро. Сам посчитай вероятность того, что два года учебы пойдут коту под хвост. Это не считая позора, когда каждая собака будет знать, что тебя вышвырнули с Аайи, как кретина.

— А если больным притвориться? — предложил Комар. — Пропустить его экзамен, а на пересдачу может кого-нибудь другого поставят?

— Размечтался, — заржал Муха, — его же и поставят, только вряд ли у тебя будет больше шансов. На пересдаче народу меньше, а преподы злее, им тоже отдыхать хочется.

— Да ты еще попробуй заболеть так, чтобы прокатило, — хмуро добавил Головастик, припомнив недавний эпизод.

В казарме на некоторое время повисло молчание, курсанты мысленно перебирали способы, которые помогли бы им преодолеть последний барьер на пути к третьему курсу.

— Есть у кого-нибудь варианты? — Клещ снова требовательно посмотрел на каждого по очереди.

— Лаудер кофе любит, — вспомнил Водомерка, — может ему туда снотворного бухнуть?

— Ты придурок? — жалостливо сказал Клещ. — Сам ему чашечку принесешь? Прямо в аудиторию?

Водомерка быстро ретировался за спину Мухи и толкнул его в бок. Тот посмотрел на Клеща, поскреб в затылке, но в конце концов пожал плечами, что означало отсутствие у него вариантов, пригодных к рассмотрению, и перевел взгляд на стоявшего рядом Головастика.

— Выпить что-нибудь для бодрости и зубрить всю ночь, — предложил тот. — Вдруг повезет с задачей...

— Сказочник, — ядовито сказал Муха. — У Лаудера халявы не бывает.

— Выпить что-нибудь для бодрости, — задумчиво повторил Клещ. — Парни, а это идея.

— В смысле? — не понял Карась.

— Помните, Лаудер нам как-то показывал на кафедре такие желтенькие капсулы, которые активируют область мозга, отвечающую за зрительную память? — Клещ возбужденно обвел глазами друзей. — Выпил — и можно на короткое время вспомнить все, что хотя бы раз в жизни читал. Это то, что нам надо. Учебник-то мы все читали и задачки решали, хотя ни черта не помним, а тут раз — и вспомним.

— Вообще-то хорошо было бы,— протянул задумчиво Карась. — Только как их взять? Не пойдешь же к нему и не попросишь.

— Да уж, не пойдешь. Их надо просто взять… так.

— Кафедра закрыта, — снова подал голос Водомерка.

— И что? — возмутился Клещ. — Конечно, закрыта, иначе их бы до нас растащили.

— А как тогда? — недоуменно спросил Комар. — Там замок.

— Подумаешь, замок, — Клещ презрительно фыркнул. — Замок электронный, кислота у нас есть в лабораторном шкафу в кладовке. Вскроем. Не самая большая цена, если вспомнить, что завтра последний экзамен, а после него мы будем уже третьекурсниками. С третьего курса не отчисляют.

Аргумент имел железную и неоспоримую силу, курсанты переглянулись.

— Кто пойдет? — задал сакраментальный вопрос Карась.

В спальне повисла напряженная тишина, в которой было слышно, как стучат сердца у всех шестерых.

— Может, жеребьевка? — неуверенно предположил Водомерка.

— Хорошо, — Клещ оглядел всех присутствующих. — Один за всех, все за одного, помните? По-другому не прорвемся. Никто не

трусит?

Никто не возразил после такого предположения. Карась нарезал из бумаги полосок — пять длинных, одну короткую, по числу присутствующих: он сам, Клещ, Водомерка, Головастик, Комар и Муха.

— Тяните, — негромко сказал он, держа бумажки в кулаке хвостиками наружу. — Я возьму оставшуюся.

Победитель определился на четвертой попытке, и Клещ с облегчением похлопал его по плечу. Головастик посмотрел на свою бумажку, потом на часы.

— Когда идти? — охрипшим голосом спросил он.

— Сейчас, — сказал Клещ, вытирая взмокший лоб. — У нас отбой, преподы торчат в холле, там журналисты какие-то приехали, так что момент вполне удачный.

Лаудер отключил мониторы, выведенные в спальни его роты, и откинулся в кресле назад, обдумывая услышанное. Подглядывание за курсантами в среде ротных командиров неэтичным не считалось, все поступившие были несовершеннолетними, и училище принимало на себя функцию опеки до совершеннолетия каждого из них. Пару раз такое наблюдение позволяло предотвратить планируемые случаи самоубийства и употребления наркотиков, да и в целом было довольно интересно послушать, о чем мальки говорят перед сном, вот только большая часть курсантов едва успевала доползти до своей койки после сигнала отбоя, и к моменту, когда Лаудер находил время взглянуть на них, спала мертвым сном.

Сегодняшний случай был интересным, Лаудер даже искренне посочувствовал невезучему Головастику. Забраться на кафедру с целью кражи — это не волчий билет, это уже уголовное дело, тут простым отчислением не отделаешься.

Один за всех…

Он еще немного подумал, усмехнулся, достал из сейфа кейс, высыпал оттуда на стол горсть разноцветных капсул и снова убрал его. Капсулы он рассмотрел, выбрал пять штук желтых, ссыпал их в коробку и вышел из комнаты. До кафедры от него пять минут ходьбы, электронный замок жалко, а вот окно оставить открытым можно.

На экзамен он нарочно опоздал на пять минут, чтобы эффект волшебных таблеток проявился в полной мере. Капсулы не подвели, весь взвод за исключением Головастика мирно похрапывал на столах. Лаудер посмотрел на него, сиротливо стоявшего посреди аудитории, сочувствующим взглядом.

— Что, малек, на тебя не хватило? — насмешливо спросил он. — Ну, обделил бы кого-нибудь другого, почему себя? Ты же

вроде как пожертвовал собой, а ничего за это не получил. Не обидно?

Головастик молчал, уши у него пылали ярким цветом.

— Я смотрю, ты понимаешь, как крепко влип, — сказал Лаудер. — В чудеса веришь?

— Нет, — бесцветным голосом ответил Головастик.

— Зря, — заметил Лаудер. — Я дам тебе шанс. Разыграешь свою карту — будет тебе чудо. Нет — значит, не повезло. Согласен?

Головастик кивнул, ничего другого ему не оставалось.

— Будешь отвечать мне один за весь взвод, — сказал ему Лаудер. — За всех шестерых — шесть билетов. Готов побороться за своих друзей?

— Готов, — мрачно ответил Головастик.

— Тогда бери билеты и начинай решать.

Головастик с подозрением посмотрел ему в лицо, выход показался ему каким-то слишком простым для того преступления, которое они совершили. Он подошел к столу, набрал шесть билетов и показал их номера Лаудеру. Тот кивнул, задачи отобразились на проекционном экране. Головастик вышел к доске, развернул ее к себе и взялся за световой карандаш.

— Нет, — остановил его Лаудер. — Сначала это.

И он показал ему желтую капсулу.

Курсанты начали просыпаться почти одновременно, доза препарата была рассчитана на три часа. Они туманными глазами смотрели на исписанные доски, часть букв и обозначений на которых были написаны так криво, что понять их было нельзя. Формулы сползали вниз, наезжали друг на друга, выходили за границы отображаемой области, пересекали друг друга под невообразимыми углами, векторы больше походили на синусоиды. Были ли задачи решены правильно, сказать тоже было невозможно.

Лаудер встал, собрал свои бумаги.

— Поздравляю, — ровно сказал он. — Хотя вы и проспали весь экзамен, ваш друг Эндрюс успешно сдал его за всех.

Курсанты дружно обернулись к молчаливому Головастику.

— Однако это не отменяет того факта, что Эндрюс для этого совершил кражу со взломом, — так же ровно продолжил Лаудер. — Уголовное преступление, которое автоматически влечет отчисление и передачу дела в военный суд. Есть желающие разделить с ним ответственность?

На этот раз в глазах всего взвода отразился ужас. Головастик никак не реагировал на сказанное Лаудером, сидя на стуле возле преподавательского стола с закрытыми глазами.

— А при чем тут мы, сэр? — осторожно сказал Клещ. — Мы же ничего не крали.

— Эндрюс сам придумал такой способ успешной сдачи экзамена? — уточнил Лаудер.

— Сам, — пискнул Водомерка. — Мы его отговаривали.

Остальные энергично закивали в знак согласия.

— Хорошо, — сказал Лаудер. — Свободны.

Курсанты потихоньку потянулись к выходу, боясь даже оглянуться назад. У самых дверей их настиг окрик Лаудера.

— Стоять!

Все замерли там, где их застал его голос, Муха уже держался за ручку двери.

— Вернулись все, — приказал Лаудер. — Сели.

Курсанты вернулись на места.

— Никто ничего не хочет сказать Эндрюсу? — холодно спросил он. — Вы были товарищами два года, найдите для него хотя бы пару слов до суда.

Курсанты молчали, боясь даже дышать.

— Жаль, — сказал Лаудер. — Все пятеро отчислены. Чтобы вещи собрали в течение часа и до отъезда не попадались мне на глаза.

— Но мы же сдали… — возмутился Карась. — Вы же сказали…

— Я этого не говорил, — вежливо ответил Лаудер. — Сдал Эндрюс. Один — за всех вас, под действием такого же препарата, от которого вы спали. Он остается. Остальные — на выход.

Головастик поднял голову. Даже если он и хотел что-то сказать, то не мог, просто отмечал, как покидают аудиторию его бывшие друзья.

— Один за всех, — шепнул Лаудер ему на ухо. — Все по-честному.

Глава 3. Шоколад

А жрать, между тем, хотелось адски. Гейл поворочался, посмотрел на часы и натянул на голову подушку – половина второго ночи, шесть часов до завтрака, если он до него доживет. Какой идиот придумал делать завтрак так поздно?

Виноват во всем был он сам. Точнее, виновата была увольнительная в город, которую он получил на половину дня, и которую, как и все свои сбережения, потратил на то, чтобы подцепить и затащить в кино случайную симпатичную девчонку. Ей он купил попкорн и пепси и первую половину фильма просидел под личиной мужественного героя, а вторую жарко целовался, но сейчас приходилось признавать, что поцелуи плохая замена гамбургерам. От голода не только сводило живот, но и сна не было ни в одном глазу.

Гейл полежал на одном боку, на другом и, наконец, сел, с тоской глядя на храпящих счастливцев. Приносить еду в спальню было запрещено, но ведь могла же у кого-нибудь заваляться конфета? Вполне себе могла. Гейл дернул за локоть соседа справа.

— Уоррен!

Тот разлепил глаза и окинул его мутным взглядом.

— Чего тебе?

— Пожрать есть что-нибудь?

— На часы посмотри, псих, — Уоррен отвернулся и натянул одеяло на голову.

Гейл посмотрел, вздохнул и решительно повернулся к соседу слева.

— Тейлор! Эй, Тед!

— Что? – тот испуганно поднял сонную голову над подушкой.

— Жратва есть?

— Нет, — подумав, сказал Тед. — А ты голодный, что ли?

— Сейчас сдохну, — мрачно ответил Гейл.

В лице Тейлора мелькнуло сострадание. Он свесил голову с кровати, открыл ящик тумбочки и пошарил там рукой.

— Жетон есть. От автомата.

— Давай.

Гейл взял у него кругляш, подтянул трусы и вышел в коридор. Торговый автомат был полумеханическим дозатором, другие в училище просто не выживали, и, бросив туда жетон, Гейл с силой надавил на кнопку с шоколадным батончиком. Автомат всосал кругляш и замолк. Гейл подождал, несколько раз нажал кнопку, заглянул в отверстие выдачи товара и тихо

стукнул по нему ладонью.

— Ты сломан что ли, сволочь?

Автомат молчал. Гейл несколько секунд боролся с желанием подбить подлому ящику светящийся глаз, и только опасение быть услышанным дежурным офицером его остановило. Обиднее всего было то, что теперь он должен Тейлору жетон, а толку?

За прозрачным пластиком призывно светились горы шоколада и пакетики чипсов. Гейл сглотнул слюну, оглянулся по сторонам и решился. В конце концов, он просто посмотрит, нельзя ли вернуть жетон, чтобы попробовать еще раз. Он уперся лбом в автомат, перебрал незамысловатые коды, хранившиеся у него в декодере, и нашел, как ему казалось, подходящий. Код выдавали для лабораторной работы с киберами, но торговый автомат был куда проще. Гейл активировал код, как их учили на занятии, декодер в плече подал признаки жизни, пространство вокруг приобрело размытый контур, а в животе возникло знакомое чувство провала. Через секунду связь с реальностью прекратилась: окружающий мир превратился в переплетение светящихся полос, наполненных вибрацией — он вошел. Цепи автомата были короткими и примитивными, как у калькулятора, но у Гейла даже они вызвали восторг. До этого они дрифтовали под присмотром преподавателя, всего пару раз, и выполняли только его команды. Быть самому себе хозяином оказалось куда интереснее.

Он проинвентаризировал систему распознавания автомата — сожранный жетон был там, но автомат его почему-то не узнал и задержал. Гейл поправил значение (счетчик показал минус единицу в количестве товара), потом обнулил значение и повторил операцию. Затем сменил параметр выбора на чипсы, за чипсами последовала кола, потом снова шоколад, и его энтузиазм остановил только сигнал, что лоток выдачи переполнен. Гейл подал себе команду к выходу, которую им обычно диктовал преподаватель, однако ничего не произошло. Автомат мерно гудел, цепи оставались цепями, и никаких признаков смены состояния не было видно. Он попробовал еще раз, мысленно произнося то одну слышанную от преподавателя фразу, то другую, но эти попытки результата не принесли, как и все последующие. Ситуация теперь представлялась ему очень ясной — он простоит с аппаратом в обнимку до утра, пока его не обнаружит дежурный, который вызовет Лаудера.

— Три нуля, — неожиданно услышал он чей-то голос. — Код три нуля…

Три нуля старшекурсники называли «мясорубкой». Гейл вполне оценил это название, когда рухнул на пол: потолок над

ним плыл, стены вокруг качались, голова гудела не хуже автомата, который, к счастью, через секунду погас и перестал долбить больной мозг своим жужжанием. Тейлор, в домашней полосатой пижаме, с тревогой присел над ним, щурясь от яркого света в коридоре.

— Отличная шутка, — яростно сказал Гейл, поднимаясь на локтях и чувствуя себя куском перемолотого фарша.

Вместо ответа Тед одной ладонью запечатал ему рот, а второй схватил за шиворот и волоком втащил в дверь туалета напротив. Сделал он это вовремя — по коридору протопал дежурный офицер, остановился возле автомата, продолжая разговор с кем-то по телефону и одновременно покупая себе печенье. Гейл подтянулся к раковине, плеснул себе в лицо холодной водой, посмотрел на Тейлора.

— Чуть не спалился, — сказал он. — Ты взял?

Тед похлопал себя по оттопыренным бокам пижамы, заправленной в штаны.

Благодарно мыча, Гейл запустил обе руки ему за пазуху, выгребая свою добычу. Тед хихикал как умалишенный, боясь щекотки, и Гейл, развернув один из батончиков, пористый горький шоколад, бесцеремонно заткнул ему рот.

— Твои двадцать пять процентов, — заявил он. — Жуй и молчи.

Тед засмеялся, перехватил шоколадку рукой. После этого Гейл вскрыл пакет чипсов и уселся с ним прямо на пол. Тед присел рядом на корточки, с любопытством наблюдая за тем, как жадно он ест.

— Понимаешь, все бы ничего, — объяснил ему Гейл с набитым ртом. — Но она была с подругой, а у подруги не было денег. Три билета уже приличная сумма.

— Ясно.

— И потом, когда пошел провожать, выяснилось, что это черт знает где, и на ужин я уже не успеваю.

— Красивая?

Гейл кивнул.

— А что за фильм?

— Да хрен его знает. Я не смотрел, другим был занят. Какая-то чушь про вампиров. Но там был мужик с татуировкой, похожей на птицу, вот она мне понравилась. Как думаешь, если сделать поверх этого, — он кивком указал себе на плечо, где белел шрам от постоянного декодера, крестовой, а не круглый, — будет круто?

Тед посмотрел на его шрам, провел по нему пальцем.

— Больно?

Гейл с недоумением поднял глаза. Никогда прежде Тейлор не интересовался этим вопросом. Чего ему вдруг приспичило спрашивать? Декодеры получали все курсанты, зачисленные в училище, только поначалу временные, в виде маленьких таблеток, а потом, когда определялись со специализацией, заменяли их постоянными моделями с хорошим объемом памяти, это было бесплатно. Гейл обзавелся своим раньше всех — Лаудер сразу заявил, что о карьере выводящего можно даже не мечтать.

— Было больно, сейчас нет, — сказал он. — Заживает дольше, чем делают. Ерунда, короче. Так что скажешь про татуировку?

— Татуировка тоже долго заживает.

— Зато красиво.

— Ты и без нее… нормальный.

Гейл хмыкнул, скомкал пустые бумажки от шоколадок и чипсов, метнул их в корзину и посмотрел на Теда.

— А ты?

Тед почему-то растерялся.

— Я?

— Будешь есть свои двадцать пять процентов?

Тед посмотрел на батончик, который сжимал в руке — тот превратился в липкий растекшийся кусок, размазанный по пальцам.

— Нет, — с облегчением сказал он. — Сейчас выброшу.

— Я тебе выброшу, — возмутился Гейл.

Он перехватил его кисть, развернул к себе и ртом собрал шоколад у Теда с ладони и пальцев. Тед смеялся сначала тихо, потом громче и громче, и под конец со стоном уткнулся в сгиб локтя лицом.

— Щекотно? Терпи, — заявил Гейл.

— Я больше не могу, — сдавленным голосом ответил Тед.

— Все уже.

Гейл дожевал шоколад, довольно откинулся назад, допил газировку и вытер рот ладонью, чувствуя, что его отчетливо клонит в сон. Теперь, пожалуй, он не только спокойно доживет до утра, но даже и до завтрака. «Выброшу», надо же! Только Тейлору может прийти такое в голову. А шоколад хорошая штука… Почти как поцелуи.

Глава 4. Забава

Уоррен всей душой ненавидит эту жеребяческую забаву, которой периодически с таким упоением предаются Тейлор и Эндрюс. Он знает ее наизусть, каждый шаг и каждый миллиметр, может с закрытыми глазами предсказать каждую ее фазу, мог бы и не смотреть, но смотрит все равно. Начинается она одинаково — погруженный в чтение Эндрюс, сделав отметку в тексте, обращается к информаторию, сунув стилус за ухо, и белый пластиковый цилиндрик торчит там, как сигарета, пока он морщит лоб в поисках подсказки на просторах сети, прыгает глазами по окнам на экране, высунув язык от усердия.

Тейлор рядом тоже погружен в чтение, он смотрит в пад сосредоточенно и серьезно (отличник, отглаженный галстук, вне подозрений, само собой), в то время как его рука за спиной Эндрюса отправляется в путешествие к его уху. Эндрюс опускает голову, вскидывает, снова наклоняется, рука Тейлора поднимается, отдергивается, снова тянется, лицо Тейлора непроницаемо и даже вдохновенно, и наконец, когда Эндрюс водит пальцем по экрану, другой рукой придерживая убегающий пункт в задачнике, карандаш быстро и безболезненно исчезает из-за его уха и скрывается в нагрудном кармане рубашки Тейлора. Голова Тейлора опускается ниже, ресницы начинают подрагивать от сдерживаемого смеха, и с тихим любопытством он ждет момента, когда кража будет обнаружена.

Дубина Эндрюс, которого можно незаметно раздеть до трусов и снова одеть, пока он решает контрольную, сует пальцы в белесые торчащие волосы, замечает пропажу и крутит головой по сторонам.

— Тед, гони карандаш, — говорит он.

— Я не брал, — не глядя на него, отвечает Тейлор. — Ты его, наверное, выронил.

— Я не ронял, — отвечает Эндрюс, невольно опуская глаза под стол и себе под ноги.

— Тогда спроси Уоррена, — нахально говорит Тейлор, — может он взял?

Он оборачивается к Уоррену и выжидающе смотрит ему в глаза. Ради этого момента Уоррен сидит за его спиной, и ради этого поворота головы Теда изображает долгий и нудный поиск чужого карандаша на своем столе. Эндрюс следит за ним подозрительно, Тейлор нагло.

— Нет, — Уоррен находит силы улыбнуться.

Эндрюс встает, вразвалочку подходит к Тейлору и за шею

стаскивает его со стула. Тейлор сопротивляется, Эндрюс вскидывает его себе за спину, словно рюкзак, перехватывает за обе ноги и энергичными рывками вытряхивает из его карманов свой карандаш, сует добычу Тейлору под нос в качестве обвинения, но тот хохочет так, что не может даже говорить. Эндрюс, натянув ему подушку на голову, засовывает его под кровать и с видом победителя возвращается за стол.

Тейлор в смятой рубашке, со съехавшим набок галстуком, тихий и смирный, через минуту присоединяется к нему, и они снова утыкаются каждый в свою книгу, словно ничего не было, не считая того, что на шее Тейлора горят красные пятна от хватки Эндрюса, и когда Уоррен закрывает глаза, он продолжает их видеть.

Глава 5. Веселое Рождество

— История, администрация, статистика, астрофизика, математика, топливо, право, языков четыре штуки… Это у них называется рождественская неделя? — Девилер швырнул пад в стену, устройство в защитном бампере отскочило и шлепнулось на клавиатуру информатория, за которым сидел Джонсон.

— Можно заткнуться, а? — взбесился тот, швыряя устройство назад. — Я своих мыслей не слышу из-за вас, придурки!

— А можно не орать? — рявкнул Креббер со своей койки, перекрывая голосом общий шум.

Вайз, заткнув уши, продолжал рэпом повторять формулы, и Грегори треснул его подушкой по голове, тот ответил ему пинком, между кроватями завязалась драка, в которой приняли участие жители ближайших коек. В коридоре послышались шаги дежурного, драчуны разбежались и успели лечь и накрыться одеялами до того, как офицер заглянул в дверь, обводя комнату подозрительным взглядом. Красный от злости Грегори умудрился и лежа лягнуть своего противника, на что Вайз ответил ему локтем в нос, и драка переместилась в пространство между кроватями.

— Сумасшедший дом, — раздраженно пробормотал Уоррен, демонстративно не принимавший участия в общем шуме.

Он лежал на своей койке, заложив руки за голову, и носком ноги отбивал что-то замысловатое в воздухе.

— Вроде того, — сказал Эндрюс, прижимая к себе пад, чтобы его случайно не разбили. — Все на взводе. А ты чего такой спокойный?

— Меня отчисляют, — сказал Уоррен.

Эндрюс сочувственно присвистнул.

— За что?

— По зрению, — деланно равнодушно ответил тот. — Генетически обусловленная близорукость. Вчера заключение дали. Минус три за три месяца. Лаудер первым подписал обходной и укатил, ну а после него кто будет возражать? Так что я теперь птица вольная, раскодировался только что. Завтра домой.

— Ты же отличник.

— А ему плевать, я-то в его любимчиках никогда не был, — зло засмеялся Уоррен. — Да и черт с ним. В медицинский пойду, по семейным стопам. У меня есть способности.

Эндрюс подумал и кивнул.

— Логично. И тяжелее, чем тут, не будет.

— Тебя-то как сюда занесло? Легче ничего не нашел?

— Выбора особенного не было, — честно сказал он. — Либо сюда, либо в биоассенизационное у нас на планете.

Он уклонился от летящего в его сторону справочника по низкочастотному регулированию и снова выпрямился.

— Тут казарма, удобно. Отчим не цепляется, свободы больше.

— Ясно, — усмехнулся Уоррен. — Ладно, Головастик, я тебе по дружбе один секрет открою, мне теперь все равно, а тебе еще может и пригодится. Есть место, где можно тихо и спокойно позаниматься, и еще парочка бонусов имеется. Возьми с собой еду и плавки, утром покажу, пока все спят.

Эндрюс выжидательно посмотрел на Уоррена, но тот не стал ничего пояснять, потому что Стюарт начал жадно прислушиваться к их разговору, и Уоррен демонстративно отвернулся.

За курсантами в праздничную неделю особенно никто не наблюдал, основным требованием было не покидать территорию училища, и если оно выполнялось, в подробности никто не лез. Основная масса преподавателей на это время разъезжалась, за учащимися присматривали дежурные офицеры, которые сдавали рапорты ротным командирам очень формально и обозначали только из ряда вон выходящие события. Питались курсанты самостоятельно и в свободном режиме.

Лаудер вернулся раньше, чем планировал, принял рапорт о своей роте поздно вечером, полистал его и отбросил в сторону — происшествий не было. Он собирался принять душ с дороги и был в халате, когда в его дверь постучали. Часы показывали половину десятого, и Лаудер решил, что явился кто-то из соседей с очередной просьбой помочь избавиться от головной боли. К нему часто обращались по вопросам здоровья, и доктор Ващанников сетовал, что тот отбивает у него хлеб своими рекомендациями. Впрочем, это не останавливало добряка от того, чтобы пропустить рюмку-другую вечерком у Лаудера в гостиной.

Открыв дверь, вместо доктора он увидел на пороге Креббера.

— Извините, сэр, — пробормотал Креббер, во все глаза глядя на халат, — я не вовремя.

— Мягко говоря, — согласился Лаудер, посмотрев на часы, и решив, что соблюдать субординацию в халате будет забавно. — Почему не спится? Отбой был в девять.

Креббер поднял глаза.

— Эндрюс пропал, — выдавил он.

Лаудер жестом велел ему войти и закрыл дверь.

— Что значит пропал?

— Он не ночует в спальне, не приходит в столовую.

— Покинул территорию училища?

— Нет, нет, — Креббер отчаянно замотал головой, отводя такие страшные подозрения от Головастика — за это грозило отчисление. — Мы спрашивали на проходной, он не отмечал пропуск, и нарушений периметра не было.

— Сколько времени он отсутствует?

— Четыре дня, — убито сказал Креббер.

— Ясно, — Лаудер встал, еще раз пробежал глазами рапорт, в котором не было ни строчки о пропаже Эндрюса. — Почему дежурный офицер не в курсе?

Креббер опустил глаза и судорожно вздохнул. Лаудер посмотрел на его красные уши и понял, что спокойная ночь отменяется.

— Жди здесь, — приказал он.

Лаудер вошел в спальню и включил свет.

— Рота, подъем! — рявкнул он.

Сонные курсанты в трусах автоматически повыпрыгивали из кроватей и выстроились шеренгой вдоль стены, волками глядя на Креббера, маячившего за спиной у Лаудера. Эндрюса среди них, само собой, не было.

Девилер, Тейлор, Грегори, Вайз, Стюарт, Джонсон, Такэда, Мартинес.

— Где Эндрюс? — спросил Лаудер.

Курсанты молчали, поглядывая друг на друга.

— Вайз?

— Не знаю, сэр, — ответил порядком струхнувший Вайз.

— Грегори?

— Не знаю, сэр, — эхом повторил тот за Вайзом.

— Значит, никто не знает? — задумчиво сказал Лаудер. — Поставим вопрос иначе — кто и когда видел его последним?

— Мы все его видели, сэр, — вдруг сказал Такэда. — Это было за день до отъезда Уоррена, четыре дня назад. Ничего странного мы не заметили, он вел себя как обычно.

— Что он делал?

— Ложился спать вместе со всеми.

— Еще информация? С кем разговаривал, о чем?

— Он разговаривал с Уорреном, — неожиданно сказал Стюарт. — Я слышал, что Уоррен велел ему взять еду и плавки.

— Зачем? — обернулся к нему Лаудер.

— Не знаю, сэр, — испуганно ответил Стюарт. — Они потом перестали разговаривать, а утром их уже не было. Уоррен уехал в тот же день.

Лаудер обвел взглядом замерзших курсантов. Для купания сейчас был не сезон, да и моря поблизости не имелось, как и реки или озера. Если где-то и могли пригодиться плавки, то в

искусственном водоеме. На территории училища было два бассейна — один спортивный, другой имитирующий глубоководную среду. Кроме этого была преподавательская сауна со спа-центром, но там каждый день было оживленно, и болтающегося без дела курсанта сразу заметили бы. Хотя с Головастика станется купаться по ночам, а днем отсиживаться на чердаке.

— Разошлись по койкам, — приказал Лаудер. — Чтобы до утра не шевелились. Пока Эндрюса не будет, из помещения никто не выходит, даже на обед.

— Есть, сэр, — нестройно ответили курсанты.

В дверях Лаудер обернулся.

— Если Эндрюс появится, посоветуйте ему найти меня раньше, чем я найду его.

Курсанты посмотрели на захлопнувшуюся дверь и переглянулись.

— Конец Головастику, — убежденно сказал Мартинес.

Спортивный бассейн был пуст, вода слита, и дроиды-уборщики орудовали там щетками. В глубоководном бассейне шли занятия дайвингом для начинающих, в спа-бассейне при сауне жены преподавательского состава занимались аква-аэробикой. Лаудер проверил ультрафиолетовую галерею, тропический корпус, медицинский изолятор, аквариум и еще пару мест, где могли бы понадобиться плавки, но Эндрюса нигде не было. Лаудер почувствовал, что начинает заводиться. Территория училища невелика, мест, где может спрятаться мальчишка, не так уж много, тем более спрятаться так, чтобы он, Лаудер, не сумел его найти.

Если исходить из того, что покончить с собой Эндрюс не планировал, то плавки были нужны для комфорта, а не для того, чтобы сбить всех со следа. Совет взять еду говорил о том, что вылезать оттуда, где Эндрюс собирался сидеть в плавках, не то затруднительно, не то невозможно в принципе больше одного раза. Накануне экзаменов. Один. В воде.

Лаудер остановился, развернулся и быстрым шагом направился к собственному лабораторному корпусу, толкнул дверь, зажег свет и бросил взгляд на пульт, где горела красная лампочка. Он бегом поднялся по лестнице и оказался в небольшом круглом помещении, центр которого занимал пузатый агрегат со сдвижной крышкой. Крышка была закрыта, и только свечение управляющей консоли говорило о том, что автоматика активна.

Это была депривационная камера для лабораторных работ выпускного курса. Форменная одежда Головастика аккуратно

висела на вешалке. Лаудер посмотрел на таймер. Галлюцинации отмечаются через семьдесят два часа пребывания в камере, расстройство памяти и сознания — через сто двадцать, необратимые изменения в психике через сто восемьдесят. Эндрюс провел в камере около ста часов.

Лаудер закрыл дверь на замок, зажег свет, активировал пульт управления камерой и нажал кнопку. Крышка осветилась и медленно поехала в сторону. Он сдернул со стены аптечку, высыпал ее содержимое на стол, нашарил среди лекарств шприц с транквилизатором, пару шприцов со стимуляторами, снотворное, и был готов к любой реакции Эндрюса на внезапный раздражитель, лишь бы эта реакция была. Но сто часов слишком убедительно говорили о том, что реакции может не быть никакой и в лучшем случае понадобится реанимация с последующей длительной реабилитацией.

Головастик лежал с закрытыми глазами, и водонепроницаемый шлем со щитком на глазах поддерживал на плаву его голову, а перчатки — руки. Лаудер нажал кнопку слива и смотрел, как Эндрюс постепенно опускается вниз. За несколько сантиметров до дна Лаудер остановил слив, чтобы удар ягодицами не стал для Головастика дополнительным шокирующим фактором, на который его психика неизвестно как отреагирует. Ярко-красные трусы Эндрюса выглядели идиотски оптимистично в сложившейся ситуации, а гель, который наносят на тело для предотвращения контакта кожи с солевым раствором, придавал ему неестественный загорелый вид, точно дело и вправду было на пляже.

— Kellemes karácsonyt! — вдруг тихо сказал по-венгерски Головастик.

Лаудер вздрогнул.

— И тебя с праздником, — ответил он, пытаясь на слух определить степень поражения мозга Эндрюса.

— Ön katolikus? — сосредоточенно спросил Головастик.

— Эндрюс? — Лаудер посмотрел на его лицо, напряженное, словно тот прислушивался к невидимому собеседнику, приподнял щиток на шлеме, но Эндрюс этого не заметил, потому что глаза его были плотно зажмурены.

— Gratulálok, — хмуро сказал он кому-то сбоку от себя.

Лаудер придержал Эндрюса за шею, чтобы снять шлем, но неожиданно для него Головастик подпрыгнул и ударился головой о бортик камеры, от удара потерял равновесие и свалился обратно в воду, подняв волну брызг. Судорожными движениями он сдирал с себя перчатки, пока Лаудер пытался прижать скользкого как рыба Головастика ко дну камеры. Когда почти

удалось его зафиксировать, у Эндрюса из уха выпал и повис на проводе лингвовкладыш, из которого женский голос жизнерадостно спросил по-венгерски, рождество ли сейчас или новый год, и не католик ли ее собеседник? Лаудер от неожиданности ослабил хватку, и Головастик, не удержавшись, плюхнулся в солевой раствор носом.

Мокрый и злой Эндрюс, завернутый в полотенце, пошатываясь, стоял босиком на полу и ждал, пока Лаудер снимет с него датчики и разрешит одеться. Лаудер тем временем следил за кривыми мозговой активности и гормональными показателями, растущими на экране, периодически поглядывая на Эндрюса, который почесывался от высыхающего липкого геля — в душ его Лаудер не пустил.

Норма. Норма. Норма.

Лаудер незаметно вытер лоб и кивнул на кресло, которое привел в полулежачее положение.

— Ложись и клади руку на подставку, — приказал он Эндрюсу.

— Не имеете права, — отважно ответил Головастик.

— Еще слово о моих правах, и ты вылетишь из училища, как пробка из бутылки, — угрожающе пообещал Лаудер. — Все еще хочешь поговорить?

Эндрюс молча плюхнулся в кресло и вложил руку в держатель, глядя в сторону. Лаудер ввел ему под кожу иглу-детектор, закрепил на нем анализатор, развернул к себе монитор, чтобы Эндрюс не видел показателей.

— Сколько времени ты провел в воде?

— Не знаю, — честно сказал Эндрюс. — Я сначала считал, а потом отвлекся, когда иностранные языки начались в наушнике. Чуть меньше суток, точнее около двадцати — двадцати двух часов.

— Почему именно столько?

— У меня еда осталась.

— Есть не хотелось?

— Нет.

— Спать?

— Нет.

— Самочувствие?

— Хорошее, — ответил Эндрюс.

Лаудер задумчиво посмотрел на него, потом на показатели на экране.

— Ты знаешь, для чего предназначена эта камера?

— Знаю.

— Для чего?

— Для идеальных условий для работы. Повышает внимательность, снижает утомляемость, позволяет не отвлекаться и концентрироваться на поставленных задачах.

Лаудер на секунду потерял дар речи.

— Кто тебе такое сказал?

Эндрюс открыл было рот, чтобы ответить, но заподозрив неладное, тут же его захлопнул и уставился себе в колени.

— Никто. Я сам так решил.

— Врешь, — хладнокровно ответил Лаудер. — Ты понятия не имел об этой камере, и залезть в нее сам не смог бы без посторонней помощи. Кто тебе помогал?

— Никто. Я сам.

— Глупо, Эндрюс. Это была идея Уоррена?

— Нет, только моя.

— А теперь меня слушай, Головастик, — приказал Лаудер. — Устройство, в которое ты залез, называется флоатинг-камера или камера сенсорной депривации. Она способна свести с ума взрослого психически устойчивого человека за время гораздо меньшее, чем ты пробыл в ней. Ты провел в ней не одни, а четверо суток. Кто-то отличным образом тебя подставил, чтобы ты провалил экзамены, а может быть и остался инвалидом. Про репутацию училища я сейчас не говорю. Будешь и дальше покрывать этого человека или примешь правильное решение?

Эндрюс закусил губу.

— Не валяй дурака, Головастик, — дружески сказал Лаудер. — Давай обойдемся без драмы. Ты знаешь, что я могу вытрясти из тебя все, что угодно?

— Знаю, — хрипло сказал Эндрюс.

— Зачем тебе это?

Эндрюс молчал, глядя себе под ноги.

— Назовешь имя сам?

— Нет.

Лаудер прищурился. Судя по показателям, которые были в норме, сумасшедшим Эндрюс не был, его решение было осознанным. Никакое имя Лаудеру не было нужно, Стюарт и так сказал все и даже больше, но Головастик об этом не знал. Лаудер нажал кнопку переговорника на столе и сказал:

— Доктор Ващанников, большая просьба — вы можете зайти ко мне в лабораторию прямо сейчас? У меня тут сложный пациент. И кейс с инструментом захватите, если вам не трудно.

Прозрачные глаза Головастика потемнели. Лаудер положил подбородок на руки и с любопытством посмотрел на Эндрюса. Тот продолжал молчать. Время текло медленно и тягуче, и только монитор жил своей жизнью, показывая движущиеся кривые

адреналина, давления и пульсовых показателей у внешне неподвижного Головастика, который упорно смотрел на свои коленки. Когда показатели достигли пика, Лаудер тихо сказал:

— Последний шанс, Эндрюс. И ничего не будет.

— Нет, — прошептал Головастик.

В дверь вошел доктор Ващанников и удивленно посмотрел на взъерошенного Эндрюса, потом на Лаудера.

— Это ваш пациент? Я думал, кто-то при смерти, честное слово, — сказал он добродушно. — А он, как я погляжу, живехонек. Зачем вы меня так пугаете?

— Сделайте мне одолжение, доктор, — сказал Лаудер, — посмотрите этого молодого человека и дайте свое заключение о его здоровье.

Ващанников снял датчики, посмотрел Эндрюсу в глаза, послушал сердце, проверил рефлексы и даже заглянул в рот. Все это Головастик выдержал в полном молчании, и только короткие быстрые взгляды, которые он кидал на кейс доктора, говорили о том, что угроза продолжает действовать.

— Абсолютно здоровый мальчик, — наконец сказал Ващанников. — Но, по-моему, перевозбужден. Дать ему успокоительное?

— И все-таки, — сказал Лаудер, глядя в окно, за которым стояла глухая ночь, и прихлебывая кофе, — четверо суток за одни — и никаких поражений. Медицина как-то это объясняет?

Ващанников засмеялся.

— Вы хотите все знать, Эрне? — он посмотрел свой бокал на просвет и с удовольствием сделал глоток. — Медицина давно признала свое бессилие в такого рода вопросах. Есть понятие индивидуального времени, которое различается с реальным, есть скрытые возможности мозга, молодой организм, сильная психосоматика, вера, если хотите, все, что угодно. И откровенно говоря, от вас я ждал удивления меньше всего. Вы готовите дрифтеров, а ведь одному богу известно, что они такое на самом деле. Скажите лучше, вы дадите делу ход? Тот, кто подбил этого мальчика залезть в камеру, совершил преступление.

— Ход? — Лаудер рассеянно посмотрел на доктора. — Нет, думаю, не стоит.

— А если он повторит это с кем-нибудь другим?

— Не повторит, — успокоил его Лаудер. — Я внес его имя в международный список подозреваемых в наркоторговле среди несовершеннолетних. За ним будут присматривать.

Ващанников только покачал головой, но вслух ничего не сказал.